

Александр Староверов

Waterman

«Автор»

2015

Староверов А. В.

Waterman / А. В. Староверов — «Автор», 2015

ISBN 978-5-457-97297-1

Александр Староверов родился в Москве, до сорока лет занимался бизнесом, потом глубоко и своеобразно осознав мысль, что слово дороже денег, начал писать. Судя по отзывам читателей его романов, писать у него получается. Счастье, считает Александр, это когда получается! Что угодно получается, но особенно – найти в себе человека. Именно это является основной темой книг А. Староверова.

ISBN 978-5-457-97297-1

© Староверов А. В., 2015

© Автор, 2015

Александр Староверов Waterman

Когда в 17 лет у тебя есть девушка – у тебя есть все.

Даже если в сорок у тебя красная «Феррари» и вилла на Лазурном Берегу Франции – это гораздо меньше. Нет, нельзя иметь все в сорок лет. Чисто технически нельзя. А в 17 – можно.

Если у тебя есть девушка.

У меня была – и весь мир ласково терся о мои возмужавшие крепкие ноги.

Подумать только, еще каких-нибудь четыре-пять лет назад я играл в солдатики и гонял по двору облупившийся футбольный мяч!

За 730 дней до девушки, я украдкой, чтобы не застучали учителя, выкурил свою первую сигарету. За три месяца до нашей встречи, с трудом выловив из бачка унитаза пузырь дешевого коньяка, я впервые по-настоящему нажрался на выпускном. И позорно дрожал от страха, между прочим, возвращаясь домой.

Не дай бог родители заметят...

Да что там, всего за девять часов до девушки первого сентября 1988 года, с трепетом готовясь перейти в новый и волнующий меня статус студента Московского авиационного технологического института им. К.Э. Циолковского, я машинально спросил родителей: купили ли они гладиолусы на линейку. Мама грустно улыбнулась и, погладив меня по голове, сказала:

– Теперь не нужно.

А папа беззлобно, но больно отвесил мне подзатыльник за тупость.

И вот теперь – девушка. Целая. Живая. Теплая. Умеет разговаривать. Говорят, красивая. Сам я тогда не мог понять. Простой, но величественный факт наличия у меня девушки заслонял все остальные, как казалось мне в то время, мелкие нюансы, включая красоту, характер, ум и прочие тактико-технические характеристики чудесного объекта, зовущегося девушкой.

Главное – она моя. И девушка при этом.

Еще вчера меня любили лишь родители. Но они-то обязаны. Родили – значит любите. Всех любят, тут нечем гордиться.

Еще вчера я сомневался в своей востребованности, впадал в подростковую тоску и меланхолию. Вдруг я никому не нужен? Вполне возможно, я урод или лишний человек, как говорили нам на уроках литературы про героев XIX века. Я смаковал свою неприкаянность и тут же, без перехода, гордо презирал жестокий и неправильный мир. А после – выл от унижения, а потом снова гордился и презирал.

И опять, и снова...

Но это все в прошлом.

У меня есть девушка, и мир в ее лице ласкает меня, мир заключает меня в свои дружеские, и даже более того – любовные объятия. Я достойный, важный и успешный член общества.

У меня есть девушка!

Дело даже не в сексуальном аспекте девушки. В физическом смысле моя первая девушка первой не была. Но тех, которые были до нее, «девушками» назвать язык не поворачивался. Как бы это пообразнее объяснить... ну, скажем – следующая ступень после онанизма. Поприятнее, конечно, но и постыднее. Потому что об онанизме знаешь только ты, а о следующей ступени знает еще как минимум следующая ступень.

Как говаривал папаша Мюллер Штирлицу; «Что знают двое, то знает свинья». Молодых свиной у нас на Тишинке было целое стадо, а податливых и на все готовых «ступенек» –

раз, два и обчелся. Так что пересечения случались. Иногда заклятые враги встречались на подступах к заветным «ступенькам», краснея, опускали головы и мирно расходились в разные стороны. В джунглях было водяное перемирие, а у нас, если мягко выразиться, гормональное.

С обретением девушки мой социальный статус возрос неимоверно.

– Ты куда? – спрашивали меня старые дворовые дружки. – Давай мячик погоняем?

– Не могу, – гордо отвечал я. – Мы с девушкой в кино идем.

– Эй, Саня, пойдем пивка попьем? – предлагали новые институтские товарищи.

– Не получится, – притворно горяя, вздыхал я, – моя девушка этого не любит.

И уж совсем убийственно звучал мой ответ на предложение бывших одноклассников прошвырнуться по улице Горького с целью склеить каких-нибудь чувих.

– Оно, конечно, неплохо бы... – как бы колеблясь, размышлял я, – да и у девушки моей сейчас месячные...

В этом месте я делал точно рассчитанную паузу и, насладившись своим величием, строго и по мужски продолжал:

– Но нет, не могу, люблю я своего котенка. Понимаете?

Никогда позже я не чувствовал себя таким крутым.

И, наверное, уже не почувствую.

У меня был котенок. Котенок ростом 170 сантиметров, с небесно-голубыми глазами, пушистыми ресницами и выдающейся грудью!

И я мог об этом спокойно говорить.

Меня слушали парни, стоящие на иной ступени социальной лестницы. Они жили впроголодь, они рыскали по Москве с вечно жадными глазами. Отчаявшись, унижаясь и краснея, они шли к девчонкам из своего круга – податливым, и за небольшие подарки на все согласным. В крайнем случае они использовали свои руки не только для труда и созидания...

А я, сияющий и недостижимый, стоял на вершине.

Пропасть между нами была гораздо больше, чем между бомжом и всеми участниками списка Форбс, вместе взятыми. Примерно, как между инфузурией тувелькой и неандертальцем. Нет, как между бактерией и кроманьонцем. Точно – бактерией и кроманьонцем.

Моим отсталым друзьям еще только предстояло эволюционировать в существа, отдаленно напоминающие мужчину. Тяжелый труд превратил обезьяну в человека, он же трансформировал бледных юношей в суровых мужей. Пускай сначала проутюжат в поисках чувих тысячу раз улицу Горького. Пускай, пыхтя и потея, выдумывают натужные шутки, когда им повезет, и какая-нибудь дурочка не пошлет их сразу. Пускай униженно кланя у родителей, раздобудут денег на кино и мороженое. Пускай извернутся ужом и организуют, хотя бы на пару часов, такую нужную позарез свободную хату. Пускай, наконец, попробуют уложиться в эти короткие два часа. Уломать, заболтать, умолить девчонку!..

Долог и тернист был путь в мужчины в далеком 1988 году.

Я его прошел и закономерно пожинал плоды трудов своих. Я успокоился, стал благодушно ленивым рантье. Я жил на проценты с капитала, и моим капиталом была моя девушка...

Именно тогда, теплой и солнечной перестроечной осенью, еще до наступления всякого капитализма в России, я познал главную буржуинскую тайну. Я понял и до последней своей жилки прочувствовал ахиллесову пята будущих баловней судьбы, приватизации и фондового рынка.

Когда имеешь все, и жизнь твоя утопает в карамельной патоке удачи, очень боишься это все потерять.

Однажды ночью я проснулся в холодном поту и, неизвестно с чего, вдруг подумал:

– А что будет, если она меня бросит?

Мое тело раскалилось от неизвестной мне доселе лихорадки. Пот мгновенно испарился, и я, сухой и горячий, побежал к телефону звонить своей девушке: хотел убедиться, что она есть, не приснилась мне, не бросила меня вчера, не ушла в мир, набитый самцами, только и мечтающими о ее невообразимых прелестях!

Как скупой рыцарь, я чах над своим сокровищем. Пересчитывал его, гладил и целовал. Секс уже отошел на второй план. Лишь бы только была, была рядом. Ведь я не заслужил ее, мне просто повезло! Я самозванец, мошенник, пускающий пыль в глаза доверчивым лохам, а на самом деле...

На самом деле с той ночи жизнь моя превратилась в ад.

Да и ее, видимо, тоже.

Обычно, чего боишься, то и происходит.

Я не стал исключением. Сильно позже я прочитал у Юнга и Фрейда о воле к смерти, о запутанных отношениях Танатоса и Эроса. Прочитал и понял, что эти два гада той осенью выясняли свои отношения прямо на мне, семнадцатилетнем пацанчике, еще вчера игравшем в солдатики. А я, зажатый их стальными лапищами, обреченно плелся к закономерному финалу. Я сам приближал этот финал, кровь моя густела и холодела от ужаса, но я ничего не мог поделать.

Конечно, она меня бросила.

Но прежде чем перейти к печальному концу истории, видимо, стоит описать ее медовую середину.

Мою девушку звали Ира.

Так просто, казалось бы, – три буквы, две гласные и одна согласная. Но для меня эти три буквы заслонили мир.

С детства имея страсть к словотворчеству, я называл ее Вира – подъем, и Ира-свет называл, точнее Ирасвет – восхождение солнца новой взрослой и прекрасной жизни, и Иррациональностью окрестил, потому что безумием и чудом неожиданным она была в моей жизни...

А она меня незатейливо звала Шурик.

Господи, как я ненавидел это плебейское недотепистое имя!

В раннем отрочестве образ простоватого Шуры Балаганова из «Золотого тельца» совместился у меня в голове с милым, но тупым Шуриком из «Кавказской пленницы». Получившийся гибрид до такой степени напоминал окружавших меня агрессивно-послушных, глупых, но всегда уверенных в своей правоте «совков», что, когда мои одноклассники искали повод со мной подраться, достаточно было всего лишь назвать меня Шуриком.

С Ирой я не дрался. Терпел.

Да пусть хоть шариком для пинг-понга называет, лишь бы была моей!

Моей девушкой.

Однажды я все же аккуратно намекнул, что, мол, неплохо бы называть меня Сашей или еще лучше – Sunny, на модный тогда западный манер.

– Да какой же ты Sunny, – удивилась Ира, – ты Шурик, типичный Шурик. Ну, вот тебе зеркало – посмотри. Правда, Шурик?

Что-то кольнуло меня в бок, захотелось со звоном разбить зеркало о голову моей ненаглядной, но она, едва коснувшись прелестной ручкой моих губ, мило заканючила:

– Ну, ведь правда же, правда, правда, скажи?

И я, глупо и счастливо улыбаясь, ответил:

– Правда.

То, что искусство охмурения порядочных девушек заключается в непрерывном компромиссе, хитрости и лжи, я понял в день знакомства с Ирой.

О, это был незабываемый день.

Первое сентября 1988 года, первый день моей взрослой и самостоятельной, как я тогда надеялся, жизни.

Долой проклятую темно-синюю форму! Прощай, ненавистная школа, здравствуй, мир, привет, Москва, поклон тебе, станция «Таганская», стрижка уркаганская, и театр у выхода из метро, где когда-то хрипел кумир моего еще молодого отца. И пивняк у театра, где, по легенде, начинал свои безумные загулы кумир. Не школяр я больше, а вольный московский студент, небрежно бросающий дружку, с которым познакомился на вступительных экзаменах:

– Пойдем, что ли, зайдем к Высоцкому, примем пивка для рывка?

И мы заходим в удивительным образом открытый в 9 утра пивняк и выхлебываем по маленькой кружечке теплого «Жигулевского». Как взрослые. Ей-богу, как взрослые! А потом мы неторопливо, подставляя лица еще теплому сентябрьскому солнышку, спускаемся вниз, к Курской, и поворачиваем перед мостом на Ульяновскую набережную. Это там, где высотка на Котельнической и Библиотека иностранной литературы...

А из нашего окна, площадь Красная видна!

Да что там площадь – жизнь видна, большая, взрослая, полная приключений и азарта жизнь.

Мы стоим перед стеклянной проходной МАТИ со смешной фаллической ракетой на крыльце, напоминающей оттопыренный средний палец, и слушаем ректора. А он обращается к нам не «дорогие первоклашки и выпускники», а как к равным – «уважаемые коллеги». И вообще он мировой дядька, веселый, видно, что бухает крепко. А главное – дядька, а не благообразные тетеньки-учительницы, окружающие нас с детства.

И стоим мы не ровно, как на линейке в школе, а хаотично, как бог на душу положит.

«Здравствуй, свобода!» – мысленно говорю я себе, и украдкой ощупываю, новенькие, купленные родителями за огромные деньжищи джинсы «Ливайс 501» на болтах. Это сейчас «Ливайсы» на пуговицах, и найти их можно в любом магазине, а тогда...

Эх, где вы, мои «Ливайсы»?

Вырос я из вас и ношу неведомые мне в юности «Гессы», «Боссы» и «Дизели». Но вас я помню, как и первое сентябрьское солнечное утро моей взрослой жизни, когда я повстречал свою первую настоящую девушку.

Я увидел ее на вступительной лекции.

Сначала я ничего не видел вокруг, я сидел ровнехонько, боясь пошевелиться, и офигевал. Лучшая аудитория института напоминала театр. Не класс с разрисованными партами и смешными стульчиками на железном каркасе, а театр. Каждый последующий полукруглый ряд был выше предыдущего. Я сидел почти на самой верхотуре и казался себе немыслимо важным и взрослым человеком. Это для меня постарались – сделали из класса театр, не могут в таком помещении говорить простые истины простым людям! В меня верят, на меня надеются, и я не подведу. Не простой я, видимо, человек, раз нахожусь здесь.

Избранный.

Первые сорок минут я сидел молча – и благоговел. Дальше благоговение стало стремительно заканчиваться. И не только у меня – у всех. Кто-то кашлянул, кто-то повернулся, и вот уже по аудитории, то затихая, то усиливаясь, стал распространяться негромкий шум.

Ну, что с нас было взять, со вчерашних школяров? Урок 45 минут длится, а тут целых полтора часа. Непривычно.

На середине лекции, чтобы немного развеяться, я стал рассматривать своих будущих соучеников, точнее – их разнообразные макушки. К своему ужасу, я обнаружил, что подавляющее количество макушек были мужские. На весь мой поток – не больше десятка девочек.

Институт я выбирал долго и придирчиво. И не один, естественно, а вместе с родителями. Казалось бы, обо всем подумали, все предусмотрели: недалеко от дома, есть военная кафедра, модный факультет радиоэлектроники.

А о главном забыли.

Ладно бы родители, хотя могли бы и подсказать, но я, я...

Я-то куда глядел?!

Это же не лучше армии получается, там тоже девочек нет.

Обреченно закрыв глаза, я представил картину моего безрадостного будущего. Я учусь в МАТИ, хорошо учусь; утром ухожу на занятия, днем пью пиво с новыми друзьями, вечером готовлюсь самостоятельно. Времени ни на что не хватает, волосы мои отрастают, на щеках пробивается щетина, от пива растет живот. Технар, типичный технар, с бутылкой пива в руке и самоуглубленным от жесткой математики взором!

А в это время прекраснейших на земле созданий, именуемых девушками, покоряют другие, более удачливые, чем я, парни. Через несколько лет мне и девушки перестанут быть нужными. Только пиво и математика. Когда-нибудь, в далеком будущем, после получения диплома, я женюсь на первой подвернувшейся чувырле с толстыми лодыжками, и у нас родятся похожие на меня дети. С пробивающейся щетиной, бутылкой пива в руке и самоуглубленным от математики взором. Даже если дочка родится – все равно со щетиной и пивом...

Прощай, молодость, до свидания, едва начавшаяся жизнь, ничего хорошего в тебе уже не будет. Надо было наплевать на мнение родителей и пойти учиться на филолога.

Вот где рай...

С трудом разлепив веки, пытаюсь зацепиться за последнюю слабенькую надежду, я начал внимательно рассматривать девичьи макушки. Я пробовал представить себе их обладательниц и свои будущие романы с ними.

Ничего не получалось.

Что можно сказать о человеке, судя по его макушке? Только какого он пола, и то не всегда получается угадать правильно.

Одна из голов с длинными волосами обернулась – и я понял, что не девушка это, а испитой, обкуренный хиппи со следами наркотического вырождения на лице. О господи! В этой веселой мужской компании легко можно превратиться в гомосексуалиста. Мне уже хотелось бежать из страшной аудитории, я даже привстал немного, но тут... повернулась очередная женская головка и пристально, как мне показалось, посмотрела на меня.

Я до сих пор думаю: влюбился я бы в нее с первого взгляда, если бы не увидел сначала лицо обкуренного хиппи, если бы не представил перед этим нашим первым взглядом картину своего печального будущего?

Какова вообще роль контраста в человеческих симпатиях? Почему рядом с красивой девушкой всегда страшная подруга?

Нет ответа. Только смутные догадки, что вся земная жизнь – это разность потенциалов. Лишь когда эта разность есть – ток идет и жизнь движется дальше...

В общем, я влюбился.

Может, из-за разности потенциалов, а может, потому что взгляд у Иры был особенный. Конечно, она не на меня смотрела, просто, заскучав, повернулась и взглянула в пространство.

Вот где разгадка. Мужчина всегда смотрит конкретно. Нужно ему что-то, вот он и смотрит. А женщина смотрит вообще, без всякой цели. На всякий случай. И это так женственно,

настолько непонятно и возбуждающе, что любовь – самая маленькая неприятность, случаящаяся с парнями после таких взглядов.

Можно ведь и с ума сойти...

Взгляд женщины – если не взгляд Бога, то взгляд Природы – точно. Равнодушный, но и подбадривающий одновременно: ну, ну, попробуй, сделай, видали мы таких. Мне в принципе все равно, мне активность проявлять по статусу не положено, а ты попробуй, если хочешь...

И я попробовал.

Уже на перемене я понял, что не ошибся.

Ира была королевой.

То есть по прошествии лет я понимаю, что она была вполне себе среднестатистической, симпатичной девчонкой, но на фоне остального десятка будущих инженериц-радиоэлектронщиц – она была королевой.

Много позже я задумался, а зачем вообще девчонки шли в МАТИ учиться трудной мужской профессии?

Ответ очевиден. Замуж они хотели.

Расчетливые девочки, с более чем средними внешними данными. Где им еще мужа найти? Кстати, расчет оправдался, почти все повыскакивали замуж еще до окончания института. И многие удачно. На переломе эпох надежный, как синица в руке, вариант мужа-технаря со щетиной и бутылкой пива в тубусе неожиданно обернулся белокрылым журавлем. Ведь именно эти технари в недалеком будущем оказались пионерами фондового и банковского рынка, именно они создавали торговые сети электроники и приватизировали нефтяные компании!

Бросили, конечно, потом возмужавшие технари своих первых институтских жен, с первыми нежданнами детьми – бросили, но обеспечили на всю жизнь.

Удался нехитрый девичий трюк.

Впрочем, тогда я ни о каких трюках не думал.

На перемене я старался подобраться поближе к объекту своей сверхновой любви – и сделать это наиболее естественным образом. Вроде просто так гуляю, никаких задних мыслей, надо же человеку где-то гулять...

Не один я был такой умный. Около Иры быстро стала собираться толпа «просто так гуляющих» мальчиков. Да и расчетливые девочки инстинктивно жались к ней, чтобы погреться в лучах зарождающейся славы. На фоне неказистых однокурсниц Ира, поступившая в МАТИ исключительно по настоянию отца-инженера, блистала еще ярче.

Разность потенциалов стремилась к бесконечности, эротическое напряжение достигло немислимых величин. Под его воздействием просто так гуляющие мальчики стали совершать безумные поступки.

Как только они не подкатывали к негласно избранной Королеве первокурсников!

Одни хмуро по-мужски интересовались: «Закурить не найдется?» И услышав доброжелательное: «Не курю», проявляли настойчивость: «А спичек?..» Другие на руках подходили к королеве и уморительно-серьезно представлялись: «Здравствуйте, а меня Вася зовут!» Один даже, робко переминаясь с ноги на ногу, поинтересовался, где находится туалет... Королева смутилась, и я решил, что час мой пробил. Вынырнув из-за спины робкого дебила, я взял его под руку и негромко, но так, чтобы Королева слышала, начал читать лекцию:

– Вы знаете, молодой человек, вопрос ваш крайне бестактен. Нельзя малознакомую прекрасную девушку спрашивать о таких вещах. Чтобы наглядно продемонстрировать вам всю глубину вашего падения, приведу любопытный исторический пример. Однажды министр иностранных дел СССР Андрей Громыко находился с официальным визитом в дружественной Югославии. Вождь югославского народа Иосип Броз Тито устроил торжествен-

ный ужин в честь высокого гостя. И вот, когда веселье было в самом разгаре, Громыко неожиданно встал из-за стола. Все подумали, что он хочет сказать тост. Мгновенно установилась почтительная тишина. Министр иностранных дел СССР откашлялся и весомо, с большими паузами произнес:

– Где... здесь... можно... сходить... в туалет, товарищи.

И пукнул.

Большее оскорбление гордому вождю южных славян трудно было нанести! Над международным сотрудничеством нависла угроза. Если бы вождь не поставил наглеца на место, дело могло дойти до вступления Югославии в НАТО. Но вождь быстро сориентировался. Обаятельно улыбнувшись, он гостеприимно распахнул руки и ответил:

– Вам – везде.

Что в переводе с дипломатического языка означало, что хоть ты и представитель великой державы, которую мы безмерно уважаем, но все же место твое у параши. Так вот, молодой человек, я знаю ответ на ваш бестактный вопрос. Слушайте внимательно, я думаю, девушка не будет возражать, если я отвечу. Вы спрашивали, где находится туалет? Вам – везде!

Я широко раздвинул руки в стороны и показал вконец растерявшемуся глупому мальчику необъятные коридоры института.

Свита Королевы громыхнула дружным смехом, а сама Королева – так и вовсе сложилась пополам.

Ничто так не возвышает самца в глазах самки, как публичное унижение другого самца, претендующего на ее благосклонность. Все как в дикой природе. Олени в брачный период бодаются рогами, тетерева клюют друг друга до крови, львы рычат, гориллы скалят зубы...

Я победил в бесчестной борьбе за существование.

Древний инстинкт, прочитанные книги и увлечение историей помогли мне в этом. Ловко совместив роли шута и палача, одним махом я прорвался в королевский ближний круг и стал рассматриваться как серьезный кандидат, по крайней мере на королевское внимание.

– Как вас зовут, о, достойнейший юноша? – разогнувшись, вытирая выступившие от смеха слезы, спросила меня Королева.

– Меня зовут сэр Александр Викторович, повелитель нижних мхов и укротитель хамов-дристунов, прекрасная незнакомка, – ответил я в тон, продолжая изображать шута, и поклонился:

– Могу ли я узнать ваше имя, несравненная леди?

– Леди Ирина, – присев в реверансе подхватила игру Королева, – а вы, значит, сэр Александр Викторович, сэр Александр Викт... фу-ты черт, длинно как-то. Можно я буду называть вас сэр Шурик?

«А как же еще называть шута?» – содрогаясь от звуков ненавистного имени, подумал я. Но подчинив гордыню любви и половому инстинкту, смешно щелкнул каблуками, склонил голову и согласился:

– Конечно, Королева, рад вам служить.

И лучезарно улыбнулся.

Я выиграл только первый раунд битвы.

Ближний круг оказался не таким уж и узким. В полуфинал вышли четыре-пять совсем неслабых пацанов. Каждый обладал несомненными достоинствами. Один был накачан, как греческий полубог. Другой – облачен в фирменный джинсовый костюм и кроссовки «Reebok». Третий блистал энциклопедическими познаниями во всех областях человеческой деятельности. Четвертый вообще предложил всех подвезти на собственной белоснежной вазовской «шестерке»!

Этого в принципе не могло быть. Чтобы в 18 лет – и своя «шестерка»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.